

Дж. Джонстон

Идея «исцеляющего правосудия»¹

Введение

В современном мире, говоря о преступлении, мы подразумеваем следующее:

- мы ожидаем от государственной власти, что она возьмет на себя процесс отправления правосудия;
- **мы полагаем, что преступника, если имеется такая возможность, будут судить по закону;**
- **мы ожидаем также, что в случае признания человека виновным, судьбу его решит все тот же закон, воплощенный в соответствующих органах правосудия;**
- **мы полагаем, что виновного подвергнут тому или иному наказанию.**

Все эти предположения структурируют наше понимание криминального правосудия. При всем обилии дебатов относительно формы криминального правосудия и оснований для его вмешательства, подобные дебаты, как правило, происходят между людьми, разделяющими названные общие установки.

Между тем, начиная с 70-х гг. прошлого века, некоторые представители правосудия начали экспериментировать, по-новому реагируя на факт преступления, и этими экспериментами были опрокинуты некоторые, если не все, из упомянутых общих установок. В ходе их выяснилось, что

- **ключевые решения относительно того, что делать с совершенным преступлением, принимались обычно внесудебным порядком – маленькими группами простых граждан, в числе которых были преступник и пострадавший;**

– основное внимание уделяется не наказанию виновных, а тому, чтобы склонить, убедить их исправить зло, причиненное их преступлением.

Кроме того, в некоторых из экспериментов участники их предпочитают вовсе обходиться без судебного разбирательства и вынесения приговора, если виновный неофициальным образом признает факт своего участия в преступном деянии. В отдельных случаях экспериментирующие предпочли полностью исключить вмешательство государства.

Все участники указанных инновационных практик реагирования на преступления называют их «альтернативным правосудием». За последнее десятилетие во всем мире количество человек, практикующих альтернативное правосудие и проводящих в жизнь политику альтернативного правосудия, противопоставленного тщетной и губительной, по их мнению, практике судебных наказаний, исчислялось тысячами. Некоторые правительства, включая правительство Великобритании, даже поговаривают о расширении доли практик альтернативного правосудия в системе уголовного права². В настоящее время осуществляется даже ряд крупных проектов по распространению альтернативного правосудия на другие виды конфликтов и аномального поведения в школах и на рабочих местах.

Соответственно, альтернативное правосудие вышло на первый план также и в теоретических и публичных дискуссиях, касающихся будущего криминального правосудия. Данное исследование посвящено анализу способов репрезентации и понимания альтернативного правосудия в ходе этих обсуждений. Многие его защитники склонны, как мне кажется, представлять его в виде некой новой «технологии» обращения с провинившимися. Такие участники утверждают, что новая технология более эффективна, чем конвенциональные пенитенциарные и терапевтические методы вмешательства, так как эта система криминального правосудия предотвращает рецидивы и дает удовлетворение потерпевшим. Такой способ презентации альтернативного правосудия имел значительный политический успех, многие правительства позволили убедить себя в том, что альтернативным вмешательствам следует играть главную роль в системе криминального правосудия. Хотя многих комментаторов беспокоит отсутствие в системе альтернативного правосудия надзора за подозреваемыми и провинившими-

ся, эти опасения не смогли оказать сколь-нибудь существенного противодействия растущему энтузиазму по поводу этого нового способа отправления правосудия среди политиков разного калибра.

Я собираюсь показать, что изображение альтернативного правосудия в виде технологии предотвращения рецидивов и обеспечения умиротворения жертвы преступления, несмотря на «политическую успешность», помешало достижению движением за альтернативное правосудие наиболее важных и значимых целей. Я хочу показать, что альтернативному правосудию присущ потенциал критического вопрошания самих устоев наших представлений о преступлении и правосудии. То новое, что привносит в понятия преступления и правосудия альтернативное правосудие, чрезвычайно существенно и как таковое представляет для нас огромный интерес – это несмотря на очевидную проблематичность некоторых из формулируемых этой концепцией положений.

Рассмотрению этих положений необходимо предпослать краткое описание наиболее распространенных форм альтернативного правосудия, сопроводив их разбором теоретических оснований, имеющихся у каждой из этих форм.

Виды альтернативных практик правосудия и их теоретические основания

Термином «альтернативное правосудие» (RJ – *restorative justice*) чаще всего обозначают такие практики, как

- 1) посредничество между жертвой и преступником;
- 2) обсуждение на семейном совете;
- 3) привлечение круга близких людей.

Посредничество между жертвой и преступником

Процедура посредничества между жертвой и преступником применялась в Европе и Северной Америке начиная с 70-х гг. XX в.³. Она дает жертвам преступления возможность встретиться в безопасной обстановке с человеком, причинившим им вред. Такая

встреча организуется и проводится одним-двумя подготовленными для этой цели медиаторами. Последние подводят пострадавших к тому, чтобы те рассказали своим обидчикам о том, как повлияло на жизнь пострадавшего содеянное ими; медиаторы дают возможность задать обидчикам те вопросы, которые обычно возникают у пострадавших, вроде того, почему объектом преступного действия оказались именно они. Потерпевшим также предоставляется возможность принять участие в разработке плана возмещения ущерба или восстановления разрушенного, то есть плана, в соответствии с которым преступник будет восстанавливать, возвращать утраченное и создаст у потерпевшего уверенность, что ничего подобного с ним впредь не произойдет. Виновному дается возможность объяснить свое поведение, рассказать, как такое могло случиться, и принять участие в разработке плана возмещения причиненного им вреда.

Если верить сторонникам этой стратегии, посредничество между преступником и жертвой дает много хороших результатов. В частности, оно помогает потерпевшим восстановиться после полученной травмы. Этому можно способствовать разными способами.

Во-первых, непосредственное участие пострадавшего в принятии решений относительно конкретного плана восстановления ущерба повышает успешность предпринимаемых в этом направлении попыток.

Во-вторых, выздоровлению потерпевшего способствует уже то, что он говорит о причиненном ему ущербе. Этому дают следующие объяснения: жертва преступления травмируется актом лишения ее собственной автономии, контроля над своей жизнью; пережив тот же процесс, но в обратном порядке, пострадавший возвращает себе чувство автономии и личных возможностей.

В-третьих, встреча с виновным, возможность обсуждать с ним содеянное и приходиться к соглашению о том, что следует делать виновному, обеспечивает некое сближение с пострадавшим, которого не происходит, когда дело рассматривается в рамках процедур, предусмотренных конвенциональным правосудием.

Сторонники данных стратегий утверждают, что они благотворно действуют также и на преступников. Они позволяют им в истинном свете увидеть последствия своего поведения для других людей, эти открытия могут быть болезненными, но в конечном счете они

принесут им пользу. Кроме того, получив возможность активно участвовать в определении способов искупления и добровольно возлагать на себя эту обязанность, преступники получают возможность действенного покаяния. Это, помимо прочего, увеличивает их шансы быть принятыми обратно в сообщество, от которого они были изолированы вследствие своего криминального поведения.

Процедура опосредованного общения между жертвой и преступником может быть введена на любой стадии ведения уголовного дела. Часто к ней обращаются как к исключению на отдельных стадиях ведения дел в рамках конвенционального правосудия. Например, полиция может предложить эту процедуру в качестве альтернативы судебному разбирательству. Или же она может быть использована в составе обычного ведения дела, например, суд или мировой судья могут предложить ее в качестве элемента условного освобождения. Или же ее добавляют к конвенциональным процедурам: осужденный может, отбывая срок, еще до освобождения принять участие в процедуре опосредованного общения между жертвой и преступником.

Обсуждение на семейном совете

Вторая форма альтернативного правосудия – обсуждение на семейном совете. Она была введена в системе ювенального правосудия Новой Зеландии в 80-е гг. XX в. в виде досудебного отступления от конвенционального уголовного судопроизводства. В ее основу сознательно были положены принятые у народа маори традиции разрешения споров. В начале 90-х гг. эта форма в несколько измененном виде была перенесена в систему правосудия Австралии, а оттуда она распространилась на Соединенные Штаты, Великобританию и другие страны.

Во многих отношениях обсуждение похоже на процедуру опосредования между жертвой и преступником. Однако при обсуждениях расширяется число участников за счет включения членов семьи или сочувствующих жертвам, а там, где речь идет о возмещении ущерба, вместе с местными представителями виновных. Есть тенденция заменять термин «медиатор» термином «помощник». И все больше внимания при обсуждениях на семейном со-

вете уделяется созданию плана действий помощи провинившемуся – часто речь идет о молодом человеке – и не только в том, чтобы возместить причиненный преступлением ущерб, но и в том, чтобы изменить его образ жизни, снизив тем самым риск рецидива.

В некоторых местах на практики группового обсуждения сильно влияет теория реинтегративного пристыживания Джона Брейтвейта. В этом случае помощники пытаются направить общение в русло сильного осуждения поведения провинившегося, правда, при сохранении уважения к нему как личности и с выражением внимания и любви к нему. Согласно Брейтвейту, одному из наиболее умных сторонников «исцеляющего правосудия», подобное действует чрезвычайно эффективно в качестве формы социального контроля. Для большинства людей такое обсуждение перекрывает возможность пойти по пути преступления, не помышляя о тех жестких изолирующих карательных мерах, на которые мы привыкли ссылаться в целях предупреждения преступлений. Благодаря теории реинтегративного пристыживания Брейтвейта как промежуточного звена «исцеляющее правосудие» стали ассоциировать также с более общими – коммунитаристскими и республиканскими – теориями правосудия.

Круг близких людей

Третьей формой практик «исцеляющего правосудия» является использование круга близких людей для вынесения приговора или заключения мировой. Основываясь на традиционных санкционирующих или целительских ритуалах аборигенов Северной Америки, эти практики были возвращены в 90-е гг. в сообщества аборигенов – обычно на стадии вынесения обвинения в уголовном правосудии.

В практике «кругов» число участников, как правило, превышает число людей, вовлеченных в обсуждение на семейном совете, так как в ней принимают участие многие члены местного сообщества, а также работники органов правосудия и социальных служб. Обычно имеется некий механизм обеспечения доступа к процедуре всех желающих – так, чтобы каждому была гарантирована возможность хотя бы раз высказать свое мнение. Например, участ-

ники «круга» собираются вместе и передают от одного к другому какой-либо предмет, и каждый в момент перехода в его руки этого предмета получает возможность выступить.

Это часто именуют процедурой вынесения приговора кругом близких людей, т. к. одно из ее назначений – рекомендовать судье вынести определенный приговор. Между тем у «кругов» имеются и более широкие функции. Например, часто утверждают, что они выполняют педагогическую миссию, так как вместо назначения наказания они наставляют провинившихся в форме уважительного диалога о том, как следует себя вести. Еще их считают исполнителями процедуры «исцеления» в смысле реинтеграции людей в общество и возвращения им их подлинного «я». Соответственно, и обсуждения касаются гораздо более широкого круга вопросов, нежели приговор, который предстоит вынести обвиняемому. Например, часто в круг вопросов для обсуждения включаются следующие: почему люди втягиваются в какие-то практики (скажем, нюханье клея или сексуальное насилие), требующие судебных мер; каким образом такое поведение ущемляет интересы сообщества; что может и должно делать сообщество для разрешения подобных социальных проблем. Таким образом, «круг», помимо выработки рекомендации относительно типа наказания, предлагает и более широкий план реагирования сообщества на данный тип поведения, признанного им опасным.

Иначе говоря, «круги» организуются не только как оптимальный способ реагирования на отдельные криминальные эпизоды, но и как средство восстановления сообщества, возвращения ему способности разрешать конфликты и реагировать на социальные проблемы, лежащие в их основании. Следовательно, устанавливается связь понятия «исцеляющего правосудия» с более общей темой, каковой является возрождение сообщества. Основу этого составляет идея, что последнее, самостоятельно решая свои проблемы, упрочивается, а упрочиваясь, оно становится все более способным к решению проблем.

С этими практиками связаны схожие с ними, но не столь известные практики создания кругов поддержки и подотчетности. В таких случаях члены местного сообщества создают круги поддержки для бывших заключенных, которых боятся окружающие, в частности, для совершивших сексуальное насилие. Данные круги, с одной сто-

роны, оказывают поддержку бывшим заключенным в их стремлении быть законопослушными гражданами, а с другой – осуществляет неформальный надзор за ними. Основной принцип, воплощению которого служит эта форма вмешательства, – позволить бывшим преступникам безопасно жить в сообществе, а ему – безопасно существовать, имея среди своих членов бывшего преступника.

Введение идеи «исцеляющего правосудия» в публично-политические дебаты

Как было показано, понятие «исцеляющего правосудия» охватывает широкий спектр разнообразных практик; еще большей широтой и разнообразием отличается то смешение идей, ценностей и теорий, составляющих их подоснову. Между тем стоит начать переносить «исцеляющее правосудие» в сферу публично-политических дебатов, как появляется тенденция преподнесения широкой публике некоего упрощенного образа «исцеляющего правосудия», тенденция использования его потенциала в целях достижения каких-либо узких целей, поддающихся количественному выражению.

Упрощение «исцеляющего правосудия» часто начинается с неосознанной подмены этого несколько интригующего термина акронимом: **restorative justice превращается в RJ. А RJ часто описывают** просто как процедуру сведения лицом к лицу преступников и жертв. При этом подчеркивается, что таким образом последним дается возможность получить ответы на волнующие их вопросы и поведать обидчикам о том, как в реальности подействовали на них преступные действия. Утверждается, что благодаря этому преступники обретают «настоящее понимание» того, как подействовало их поведение на других людей – людей таких же, как они сами. Этот процесс дает провинившимся возможность скорректировать свое отношение к потерпевшим и к сообществу в целом.

Данная процедура, как утверждается, обеспечивает достижение важных целей. Часто она становится для преступников тем поворотным пунктом, после которого они возвращаются в колею стандартного поведения⁴. К тому же она повышает степень удовлетворенности жертвы судопроизводством.

Важной чертой подобных утверждений является их доступность для проверки эмпирическими методами. И хотя подобное порождает огромные методологические проблемы, достаточный объем исследований и изрядные методологические ухищрения позволяют таки установить, является ли «исцеляющее правосудие» более эффективным, чем конвенциональные способы вмешательства, осуществляемые правоохранительными органами в целях предотвращения рецидивов и повышения удовлетворенности пострадавших.

Соответственно, сторонники RJ не только приветствуют научную оценку этой процедуры, но и активно способствуют ей, стремясь выяснить, действительна ли она, и если да, то при каких условиях и применительно к каким случаям ее использование является оптимальным. На деле, конечно, оценка RJ представляет собой далеко не такую примитивную операцию. Результаты любой проведенной оценки могут считаться лишь предварительными, нуждающимися в интерпретациях и прояснениях. Таким образом, научные оценки сами по себе не способны обеспечить нас определенным выводом ни в пользу RJ, ни против него. Вместе с тем они дают достаточно материала для того, чтобы сторонники RJ могли утверждать, что результаты являются обнадеживающими. Вот почему сторонники RJ склонны уверять нас в существовании научных подтверждений тому, что «исцеляющее правосудие» обладает массой благотворных свойств и редко когда его последствия бывают хуже тех, которые обеспечивают конвенциональные средства вмешательства со стороны судебных органов.

Следует заметить, что выдвижение критериев проверяемости результатов, призывы к правительству осуществлять подобные тесты-проверки способствуют развитию движения за «исцеляющее правосудие». Ведь для того, чтобы получить данные для проверки обоснованности притязаний RJ, **требуется поставить долговременные эксперименты по применению «исцеляющего правосудия».** А коль скоро сделаны существенные вложения в RJ общественных средств, процесс становится самоусиливающимся. И дело не только в том, что чем солиднее вложения, тем сильнее стремление представить их оправданными, т. е. доказать действенность идеи. Имеет значение также и тот факт, что все больше лиц, задействованных в системе уголовного судопроизводства и смежных ведомствах, начинают определять собственные профессиональные зада-

чи как управление RJ, участие в реализации программ RJ. Отсюда появление лицензированных курсов по подготовке операторов процедур RJ и рост числа людей, эти курсы посещающих. По мере институционализации этих мест, их профессионализации происходит плавное, но неуклонное смещение акцентов. Вместо того чтобы требовать подтверждений действенности RJ, прежде чем санкционировать его дальнейшее развитие – доказательной базы в виде перечисления систематических неудач или чего-то еще более отрицательного требуют уже для того, чтобы прекратить этот социальный эксперимент.

Поэтому в политическом плане движение за «исцеляющее правосудие» ведет себя очень изоциренно. Что бы ни думали и ни говорили его сторонники меж собой, все они прекрасно сознают, что заручиться поддержкой политиков и общества, необходимой им для осуществления радикальных перемен в уголовном правосудии, они смогут, только если будут говорить с правительствами и общественностью на их языке. Движение за «исцеляющее правосудие» предлагает ответы – и очень позитивные – именно на те вопросы, которые интересуют правительства и общественность. Предотвращает ли RJ преступления? – Да. Помогает ли RJ жертвам преступлений? – Да.

Но, конечно же, современная политика управления не приемлет столь простых решений. Ей нужны факты. Любая служба, пользующаяся финансированием общества, должна доказать, что цели ее деятельности четко определяются и поддаются количественному выражению, что ее работа стоит потраченных на нее денег. Понимая это, сторонники RJ за весьма короткий период смогли преобразовать несколько разрозненных экспериментальных проектов в нечто такое, что правительства охотно финансируют и к чему они относятся как мейнстриму в области реагирования на преступления.

Возвращаясь к прерванному обсуждению

Я говорил о том, что сторонники «исцеляющего правосудия» проявили сметливость, сумев так подать самую концепцию и ее необходимость, что и правительства, и общественность смогли са-

моидентифицироваться с ней. В рамках этой стратегии защитники «исцеляющего правосудия» переместили его практики с маргинальных позиций на позиции мейнстрима уголовного правосудия. Так вот, я утверждаю, что подобный успех добыт чрезмерно высокой ценой. Я заявляю, что, приучив политиков и общественность к мысли, будто «исцеляющее правосудие» представляет собой технологию предупреждения рецидивов и обеспечения удовлетворенности потерпевших результатами судопроизводства, движение за «исцеляющее правосудие» практически лишило нас возможности видеть, в чем состоит его принципиальное отличие от конвенциональных способов реагирования на преступления. Тем самым «исцеляющее правосудие» снизило собственные шансы на определение более масштабных и значимых целей, стоящих перед ним. Для пояснения того, о чем я веду речь, позволю себе кратко обратиться к способу презентации темы «исцеляющего правосудия» одним из его первых экспонентов.

Одним из основателей движения за «исцеляющее правосудие» был американец – теоретик и общественный деятель Говард Зер. Столкнувшись с первыми экспериментами посредничества между преступником и его жертвой, Зер весьма заинтересовался присущим этим экспериментам потенциалом в части изменения отношения виновных к содеянному и улучшения их поведения в будущем. Воодушевляли его также и перспективы облегчения восстановления жертв преступлений от понесенного потрясения, ведь конвенциональное правосудие зачастую не приносило пострадавшему никакого облегчения, увековечивая его травму. Вместе с тем Зер не причислял эти эксперименты к разряду новых технологий, приносящих положительные результаты. Скорее он полагал, что практика посредничества между преступником и его жертвой воплощает в себе некие понимания, исходные посылки и ценности, совершенно противоположные тем, которые олицетворяло конвенциональное вмешательство исправительных институтов.

Соответственно, в своей книге «Смена оптики»⁵ Зер осмысливает практические эксперименты посредничества между преступником и его жертвой в качестве отправного пункта новой концепции преступления и правосудия. В ходе этого исследования Зер выражает сожаление по поводу тех же недостатков функционирования существующей системы, на которые обращали внимание

широкой общественности также и другие комментаторы криминальной юстиции. В числе таких дисфункций лавинообразное увеличение численности заключенных и государственных поднадзорных, а также неподобающее обращение со многими из этих людей. Этот переход к «жесткому» правосудию отнюдь не вылечивает социальных болезней, таких как боязнь преступников, наркомания и распад сообществ. Характерной чертой работ Зера и других ранних исследователей «исцеляющего правосудия» было то, что они приписывали эти дисфункции не каким-то новым сдвигам в социальных условиях или политике, а определениям и теоретическим положениям, которые на протяжении нескольких веков предопределяли на Западе образ мысли в сфере преступлений и правосудия. Теперь же, согласно Зеру, мы являемся свидетелями окончательно крушения этой укоренной в нашем сознании парадигмы.

В экспериментах с посредничеством между преступником и его жертвой Зер уловил возможность возникновения некой новой парадигмы – совершенно нового образа мысли в сфере преступлений и правосудия. Он ясно сознавал, что, прежде чем оформится эта новая парадигма, пройдут годы упорной работы. В частности, практические эксперименты в области «исцеляющего правосудия» обязательно должны будут дополняться широким спектром теоретических поисков альтернативных способов концептуализации преступлений и правосудия. И действительно, под влиянием Зера теоретики «исцеляющего правосудия» попытались пролить свет на иные способы понимания преступлений и правосудия, найденные в таких источниках, как Библия и другие духовные традиции, обычаи, дошедшие до нас из глубины веков, верования и ритуалы различных аборигенных племен, равно как и современные эксперименты в социально-правовой области.

Результаты этих исследований чрезвычайно интересны и важны. Однако едва ли что-то из них стало предметом публичных дебатов вокруг «исцеляющего правосудия». Данные дебаты имеют своим центром все более и более упрощающееся представление об «исцеляющем правосудии» как о простой технике обращения с преступником и пострадавшим.

В заключение этого раздела хочу кратко перечислить те следствия, которые может иметь указанное расширенное и углубленное осмысление практик «исцеляющего правосудия» для того, как

мы представляем себе преступление и правосудие. С этой целью я опишу некоторые способы подрыва практиками «исцеляющего правосудия» общепринятых взглядов на такие фундаментальные вопросы, как

- что такое преступление;
- что значит быть жертвой преступления;
- что есть правосудие в отношении совершенного преступления;
- чьей обязанностью является осуществление правосудия;
- как должно относиться общество к тем, кто нарушает его основополагающие правила.

Хотя во многом мой анализ базируется на работах таких экспонентов «исцеляющего правосудия», как Зер, следует учитывать, что мое собственное понимание этого явления, вероятно, во многих отношениях отличается от их понимания, как и от их общей позиции по данному вопросу.

Понимание преступления и правосудия в свете концепции «исцеления»

Смысл понятия «преступление»

Наши исправительно-правовые институты предрасполагают к особому видению преступления. Мы склонны видеть в преступлении зло, совершенное в отношении некоего абстрактного целого, такого как государство, общество или корона. В этом, конечно, есть своя логика. Государство устанавливает определенные законы, которые показывают, какова должна быть нижняя граница допустимого: нельзя позволять себе и другим поднимать руку на людей, нечестным путем завладевать их собственностью, навязывать им сексуальные отношения вопреки их воле и т. д.; преступным считается поведение, нарушающее эти нормы. Поскольку же последние создаются государством от имени общества, у нас есть тенденция описывать преступление как зло, причиняемое государству или обществу.

Мы настолько привыкли представлять себе преступление именно таким образом, что забываем о других его аспектах. Если же посмотрим на него с других точек зрения, нам откроются те его стороны, которые остаются скрытыми от нашего же официально-

правового восприятия преступления. Некоторые из этих аспектов выводятся на первый план с помощью концепции «исцеляющего правосудия». Для того чтобы понять, о чем именно идет речь, полезно было бы помыслить преступление в виде некой пирамиды. Эту пирамиду мы привыкли видеть только с одной-единственной точки. «Исцеляющее правосудие» позволяет несколько развернуть пирамиду, и мы осознаем наличие других сторон преступления, которые существовали всегда, но не были учтены нашим определением преступления.

Каковы эти скрытые аспекты преступления, становящиеся доступными для наблюдения в условиях «исцеляющего правосудия»?

В практике «исцеляющего правосудия» преступление рассматривается не столько как нарушение закона и причинение ущерба обществу, сколько как насильственное искажение идеи некоего сообщества, представления о характере отношений в нем. Ведь основные усилия направляются «исцеляющим правосудием» на то, чтобы подтолкнуть преступника к осознанию неправильности содеянного им; при этом главный акцент делается не на факте нарушения правил данного общества, а на вреде, причиненном тем реальным человеческим существам, которых подобное может непосредственно коснуться. Мало того, усилия предпринимаются также и для осознания преступником того обстоятельства, что причиненный его поведением вред далеко выходит за рамки нанесения материального ущерба или, скажем, сломанной ноги, как бы ни велик был такого рода ущерб. От преступника ждут осознания того факта, что, поставив свои личные желания и прихоти выше прав других, он нарушил правильные отношения между людьми. Согласно некоторым экспонентам «исцеляющего правосудия», именно разрушение надлежащих отношений между людьми составляет суть всякого преступления.

Что значит быть жертвой преступления?

Мы уже видели, что идея «исцеляющего правосудия» ставит под сомнение наши привычные представления о том, кто или что является объектом преступления, его жертвой. В конвенциональном криминальном правосудии таким объектом является некая

абстрактная сущность: общество, государство, народ, королевская власть и т.д. Поэтому в книгах по уголовному праву часто утверждается, что одной из отличительных черт уголовного судопроизводства по сравнению с гражданским или частным правом является цель – защита прав общества, тогда как частное правосудие защищает индивидуальные права. «Исцеляющее правосудие» делает это примитивное суждение объектом критического вопрошания. Оно обращает наше внимание на то, что непосредственной жертвой преступления и в этом случае является личность – или несколько личностей – прямо пострадавшая от совершения этого преступления; вторичной же жертвой преступления оказывается сообщество, членом которого является пострадавший. Признавая, что общество в целом также страдает от любого отдельно взятого преступления, сторонники «исцеляющего правосудия» привносимыми ими практиками подчеркивают, что наибольший вред причиняется все же частным лицам.

Вместе с тем практики «исцеляющего правосудия» изменяют наши привычные представления о жертве преступления также и в более глубоком смысле. Легко соглашаясь с тем, что преступление причиняет вред реальным людям, несет им страдания, мы склонны воспринимать ущерб от преступления как нечто физическое, материальное. Мы замечаем лишь факты утраты имущества, человеческих травм, увечий и смертей, причиненных преступлением.

Практики «исцеляющего правосудия» создают предпосылки к тому, чтобы жертвы сами определяли характер причиненного им ущерба, вскрывали его суть, доходя до таких сторон понятия «жертва», которые остаются нераскрытыми в случаях, когда с пострадавшими имеет дело конвенциональное правосудие. Часто обнаруживается, что быть жертвой – значит переживать глубокую травму, и не столько из-за понесенного физического или материального ущерба, сколько из-за переживаемого нами нарушения правильного хода и смысла вещей. Как говорит по этому поводу Говард Зер, «преступление оказывается разрушительным по своим последствиям, потому что подрывает две главные опоры нашей нормальной жизни: представление, согласно которому наш мир наполнен неким смыслом и в нем царит определенный порядок, и веру в собственную автономию. И то, и другое суть неотъемлемые условия сохранения индивидуальной идентичности»⁶.

Конечно, все это не обязывает нас разделять точку зрения «исцеляющего правосудия» или считать ее прогрессивной. В одной из своих текущих работ я осуществляю критический подход к «исцеляющему правосудию». Я всего лишь хочу сказать, что практики «исцеляющего правосудия» действительно вскрывают те стороны переживаний жертвы, которые не вписываются в наши привычные представления о том, что значит быть жертвой преступления, и этот факт представляет для нас чрезвычайный интерес.

Что значит осуществлять правосудие?

Мы привыкли думать, что в целях восстановления справедливости после совершенного преступления виновный должен понести соответствующее наказание. Конечно, по вопросу о том, в чем должно состоять адекватное проступку наказание – как в общем виде, так и применительно к конкретным случаям – ведутся большие споры. Но люди, которые ведут эти споры, исходят из веры в обязательность и, возможно, в достаточность наказания как средства восстановления справедливости.

Практики «исцеляющего правосудия» ставят под сомнение эту веру. С одной стороны, из них, как кажется, следует, что правосудие часто может осуществляться и без наказания. Справедливость можно восстановить, если те, кто причинил вред, искупят нанесенный их поведением материальный и социальный ущерб. С другой стороны (и это очень важно), из практик «исцеляющего правосудия» можно сделать вывод, что для осуществления правосудия одного наказания виновных никогда не бывает достаточно. Даже если провинившийся подвергнут санкциям, которые все считают справедливыми, большая часть нанесенного им ущерба все равно остается без компенсации. Вот почему позицию «исцеляющего правосудия» можно трактовать следующим образом: даже если мы считаем, что провинившегося следует подвергнуть наказанию, нам следует также убедить его компенсировать ущерб путем исправления содеянного, устранения того вреда, который был причинен им конкретным лицам. Правосудие нельзя считать свершившимся до тех пор, пока действиями провинившегося не будут восстановлены надлежащие отношения в социуме.

Есть и другие интересные способы оспаривания нашего понимания справедливости практиками «исцеляющего правосудия». Например, согласно таким сторонникам последнего, как Деннис Салливан и Лэрри Тифт, в нашем сознании укоренилась атомизированная концепция правосудия: справедливость считается восстановленной, когда каждый получает за свое поведение по заслугам, независимо от того, идет ли речь о негативной или о позитивной санкции⁷. В «исцеляющем правосудии» они видят отличающееся от описанного представление о справедливости, основанное на потребностях; согласно этому последнему, правосудие можно считать осуществленным (справедливость восстановленной), когда каждый получает по потребностям, вне зависимости от того, считаем ли мы данного конкретного человека заслужившим того, в чем он нуждается.

Другим, не столь заметным отличием является критическое отношение практик «исцеляющего правосудия» к пониманию правосудия как некоего внешнего, объективного состояния дел. Чтобы лучше рассмотреть этот сложный аспект, предположим на мгновение такую ситуацию, когда ни преступник, ни его жертва не считают вынесенное решение справедливым. Допустим, преступник считает приговор слишком суровым, а жертва, напротив, слишком мягким. Подобные разночтения не будут рассматриваться как проблема, если приговор выносится исходя из неких внешних, объективных критериев (например, назначенное наказание соответствует широко практикуемому принципу пропорциональности наказания преступлению). Что касается «исцеляющего правосудия», то по его понятиям такой приговор будет проблематичен, т. к. ни жертва, ни преступник не будут считать правосудие свершившимся, так сказать, не почувствуют его. Значит, в практике «исцеляющего правосудия» оно фигурирует как нечто внутреннее, субъективное. Цель «исцеляющего правосудия» состоит не столько в обеспечении некоего объективно справедливого исхода, сколько в достижении людьми, ставшими жертвами несправедливости, субъективного чувства, что справедливость восстановлена.

Чьей обязанностью является осуществление правосудия?

Мы склонны полагать, что если совершено преступление, то осуществлением правосудия должно заниматься государство. И если последнее систематически не справляется с задачей отправления правосудия по поводу совершенного преступления, мы определенно решим, что оно не выполняет возложенных на него обязанностей. И редко когда нам придет в голову в случае, если за преступлением не последовала процедура осуществления правосудия, винить в этом кого-то еще.

Практика «исцеляющего правосудия» хоть и исподволь, но весьма фундаментально подрывает подобные убеждения. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно задуматься о том, какое правосудие способно осуществлять государство. Государства, судя по всему, вполне способны штрафовать и наказывать, ибо эти виды правосудия являются функцией принуждения, применяемого в отношении пассивного или лишенного возможности действовать субъекта, ибо государство обладает властью, позволяющей пользоваться таким принуждением. Между тем «исцеляющее правосудие» не может базироваться на принуждении, направленном на пассивного субъекта. Ощутить исцеляющий эффект правосудия люди могут, лишь будучи вовлечены в конфликт и решив активно участвовать в процессе «исцеляющего правосудия». Без активного сотрудничества сторон процедура «исцеляющего правосудия» невозможна.

Если так, то государство не может быть обязано осуществлять функции «исцеляющего правосудия», ибо нет смысла, возможно, вменять какому-либо ведомству обязанность, которую оно не в состоянии выполнять. Вероятно, самое большее, что можно поручить государству, – это обязанность помогать людям и сообществам, облегчать их усилия по отправлению «исцеляющего правосудия». Если кто-то и может нести какие-то обязательства по осуществлению «исцеляющего правосудия», то это люди, непосредственно вовлеченные в конфликт, – пострадавший и провинившийся, а также, возможно, и члены сообщества, способные свести провинившегося с пострадавшим с целью разрешения конфликта между ними. Следовательно, если «исцеляющее правосудие» станет рядовым способом реагирования на преступление,

подобное приведет к важному сдвигу в наших представлениях о соответствующей роли государства и о том, на кого должна быть возложена обязанность осуществления правосудия.

Как относиться к нарушителю закона?

Существуют разные мнения относительно того, как относиться к нарушителям закона. Однако наши судебные и пенитенциарные учреждения культивируют некое определенное отношение к уголовным преступникам. В частности, поощряется отношение к правонарушителям как к противникам, над которыми следует «взять верх», дабы они не «взяли верх» над нами. Мало того, пенитенциарные стратегии и социальные практики последних лет побуждают нас видеть в преступниках глубоко чуждых нам существ, не принадлежащих к обществу таких, как мы. Нас подталкивают к возведению стен между нами самими и провинившимися, к изобретению все новых способов сдерживания их, изгнания из своей среды.

В практиках «исцеляющего правосудия» участники процесса поощряются к тому, чтобы относиться к преступникам не как к противникам, а как к людям, с которыми нас объединяют некие общие интересы. Постоянно подчеркивается, что данный процесс нацелен на обеспечение наилучшего исхода для всех: жертв преступления, преступников и сообщества. Процесс «исцеляющего правосудия» признается болезненным, но и полезным для всех его участников.

Кроме того, от них ожидается отношение к провинившимся как к таким людям, как и все окружающие, и в первую очередь как к людям, отношения с которыми надо совершенствовать. В основании «исцеляющего правосудия» лежит понимание, что люди наиболее склонны причинять вред сообществу, когда они существуют в изоляции от него: в этом случае действие на них моральных норм сообщества ослаблено. Если мы ждем лучшего поведения от людей, то должны стремиться не к тому, чтобы их изолировать, а к наиболее полной интеграции их в состав своего сообщества. Но подобное укрепление связей с провинившимися членами общества имеет под собой не только пруденциальные мотивы, но

и является для нас моральным императивом. Организаторы процесса «исцеляющего правосудия» стремятся разъяснить окружающим, что если поведение правонарушителей неприемлемо, достойно осуждения и подлежит коррекции, то сами провинившиеся заслуживают того, чтобы проявлять к ним должное сочувствие и уважение, подобное тому, которое мы питаем ко всем своим соплеменникам.

Заключение

В заключение скажу, что выше я попытался показать, что наш интерес к концепции «исцеляющего правосудия» важен для нас и вызывает интерес вследствие присущей ей способности выводить на поверхность глубинные слои нашего отношения к преступлению и правосудию⁸. В «Смене оптики» Говард Зер обратился к парадигмальной теории, из которой можно сделать вывод, что, возможно, «исцеляющее правосудие» представляет собой совершенно отличный от принятого способ конструирования реальности⁹. Различие между принятым ныне пониманием преступления и правосудия и тем, которое следует из практик «исцеляющего правосудия», было описано аналогично тому, как описывают различие между ньютоновской и эйнштейновской картинами мира или между теми изображениями реальности, которые дают ученый и художник. Возможно, это гипертрофированное сравнение. Однако я определенно предпочитаю это гипертрофированное видение другому – тому, которое усматривает в «исцеляющем правосудии» не более чем технику борьбы с проблемой преступлений. Подобное суженное понимание «исцеляющего правосудия» означало бы игнорирование того важного вызова, который оно в себе заключает, – вызова нашим привычным представлениям не только о преступлении и правосудии, но и о себе самих.

Перевод с английского И.И. Мюрберг

Примечания

- ¹ Для перевода центрального понятия данной статьи (restorative justice, в оригинальных источниках оно часто фигурирует в виде аббревиатуры RJ) выбран вариант «исцеляющее правосудие»; такой перевод позволяет подчеркнуть главную мысль автора, мысль о принципиальном отличии этого нового вида «квазиюридических» практик от конвенционального «исправительного правосудия».
- ² Restorative Justice: the Government's Strategy / Home Office Communication Directorate, 2003.
- ³ Более подробное описание этих практик см. в: *Bazemore G., Umbreit M. A Comparison of Four Restorative Conferencing Models // G. Johnstone (ed.) A Restorative Justice Reader: Texts, Sources, Context. Cullompton, Devon: Willan Publishing, 2003. P. 225–43*
- ⁴ См.: Home Office. Restorative Justice: The Government's Strategy. P. 4.
- ⁵ *Zehr H. Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Scottdale (PA), 1990.*
- ⁶ *Zehr H. Changing Lenses. P. 24.*
- ⁷ См.: *Sullivan D., Tiff L. Restorative Justice: Healing the Foundations of Our Everyday Lives. N-Y., 2001.*
- ⁸ См. также: *Van Ness D., Strong K. Restoring Justice. 2nd edn. Cincinnati (OH), 2002. Ch. 2.*
- ⁹ *Zehr H. Changing Lenses. Ch. 6; ср.: Ross R. Returning to the Teachings: Exploring Aboriginal Justice. Toronto, 1996.*